

Георгий
Бурков:

РАЗ—И НАВСЕГДА

Если за громким именем, за шумной популярностью скрываются трудная судьба, долгая борьба за признание, можно не сомневаться, что вам достанется интересный собеседник. Георгий Бурков, будучи студентом юрфака Пермского университета, три года поступал во все театральные вузы Москвы, но безуспешно. Отчаявшись пробыть в московский вуз, Бурков уезжает в г. Березники и поступает в местный театр. Потом — театры в Перми, в Кемерово. Позже — Московский театр имени Станиславского, где Георгий Бурков проработал пятнадцать лет. Выступал и на мхатовской сцене. Однако подлинное признание принесли Буркову его работы в кино. Плох сценарий или хорош, значительна роль или нет — актер всегда на высоте. Это фильмы — «Зигзаг удачи», «Печки-лавочки», «Они сражались за Родину», телевизионный фильм-спектакль «Вологодское шоссе».

Бурков — человек увлекающийся. Но одно увлечение, по собственному признанию актера, проходит через всю его жизнь: это любовь к литературе.

— Отец с матерью, когда перебрались из деревни в город, — вспоминает Георгий Бурков, — быстро нашли себя в новой жизни. Отец прошел путь от рабочего до главного механика большого завода, мать перепробовала много профессий, была и портнихой, и начальником райжилуправления. И оба любили книги. Благодаря им в мою жизнь очень рано пришли Тургенев, Гончаров, Мопассан, тогда как Конан Дойла, Дюма, Жюль Верна, которыми обычно увлекаются подростки, я прочел значительно позже. Как сейчас помню, мать читает отцу Мопассана, я притулился тут же, в углу, и слушаю, затанов дыхание. Помню, как облизывался горячими слезами, слушая «Муму». Вообще Тургеневу мать отдавала

особое предпочтение: от тех детских лет навсегда сохранились воспоминания о «Дворянском гнезде», «Нови», «Накануне». Сильное впечатление произвел «Обрыв» Гончарова.

— Выходит, ваше приобщение к литературе прошло под знаком семейного чтения?

— Да, именно семейное чтение, — соглашается Георгий Иванович. — Тогда много было чего, что ушло безвозвратно и о чем сегодня вспоминаешь с грустью. Дружные дворянские пафетоны на подоконниках, у меня лично — сильная тяга в школу. Я провозжал всех, кто ходил в школу, а когда сам пошел, вскоре война началась. Нашу школу переоборудовали в госпиталь. Мы с ребятами сколотили артистическую

бригаду и выступали перед ранеными.

— Читали?

— Нет, нет. Репертуар мой формировался под влиянием Кировской оперы, которую я посещал бесплатно. В девять лет самоотлично исполнял арию Герцога из «Риголетто», Фигаро из «Севильского цирюльника». Аудиодискеты мы срывали такие, что чувствовали себя настоящими артистами.

— У вас что, голос хороший?

— Не думаю. Но и сейчас, под настроение, пою в компании.

— А кто-нибудь из тех, кто выступал с вами, стал артистом?

— Нет, дальше самостоятельности никто не пошел.

Георгий Бурков, с которым я разговариваю, мало похож на Георгия Буркова, который знаком по экрану. На улице, наверное, прошел бы мимо и не узнал. Моего собеседника можно скорее приять за филолога или историка чем за популярного актера.

— Вернемся к литературе. Каких писателей вы открыли для себя самостоятельно?

— В последних классах школы сильно полюбил Маяковского, Горького. Любовь к Горькому осталась на всю жизнь. Нравятся не столько

хрестоматийные вещи, сколько, например, повесть «Жизнь ненужного человека». Из пьес больше всего — «Старик». До сих пор помню потрясение, которое пережил, прочтя рассказ «Птичий грех». Ну и, конечно, нравятся трилогия — «Детство», «В людях», «Мои университеты». В Горьком меня восхищают сила самоотдачи, мощь его описаний. Порой Горький достигает такой трагической выразительности, что дрожь пробивает.

Георгий Бурков, когда речь заходит о любимых книгах, говорит сбивчиво, порой неинтересно, проглатывает концы фраз, так что я вынужден переспрашивать и удивляться, куда же подевалась его актерская дикция. Гладкие, обкатанные фразы, которые нередко у популярных артистов, у Буркова отсутствуют почти.

— В двадцать лет я открыл для себя Шолохова, — продолжает Георгий Иванович — Автор «Тихого Дона» вошел в мою жизнь навсегда. Как позже вошел в нее Шукшин.

О Шолохове, о Шукшине актер говорит очень скупое. Между тем мне хочется узнать поподробнее.

— Шукшин один в трех лицах: писатель, режиссер, актер. Кому из них вы отдаете предпочтение?

— Вот именно, что один, и разделять Шукшина-писателя и Шукшина-режиссера я не хочу и не могу. Шукшин уникален. Он пробивался в

литературу трудно, и это не могло не отразиться на его творчестве. Шукшин отдавал себя искусству целиком, без остатка. И достиг вершин. Его «Калина красная» — подлинно народная трагедия. Из современных произведений не сразу вспомнишь такое, что можно поставить рядом. В творчестве Шукшина отразилась мудрость народа, вместе с ним в современную литературу вошли подлинные народные проблемы. Я рад, что наконец-то и кино смогло приблизиться к настоящему Шукшину. Я имею в виду фильм «Праздники детства».

— Что вы понимаете под народными проблемами?

— Народные проблемы — это проблемы, которыми живет народ. Жизнь народа — вот что единственно важно для искусства, для литературы.

— А Валентин Распутин? А Василий Белов и Виктор Астафьев? Вам, наверное, должна быть близка «деревенская» проза?

Георгий Бурков морщится, как от чего-то невкусного, несъедобного.

— Откуда это вообще пошло — «деревенская» проза, «деревенщины»? Почему Шолохова никто не считает деревенским писателем, а ведь тоже вроде писал о деревне? То, что называют «деревенской» прозой, это и есть цвет советской литературы, собственно, настоящая наша современная литература, которая дала и еще даст много замечательных произведений. Один язык чего стоит!

— Но есть же еще и такие писатели, как Валентин Катаев, Даниил Гранин, Юрий Нагибин.

— Да, это очень хорошие писатели.

— А как вы относитесь к авторам, сравнительно недавно завоевавшим широкую известность? К Владимиру Кручину и Владимиру Макашину, например?

— Очень хорошо.

— Кого вы любите из зарубежных писателей?

— Фолкнера. Между прочим, тоже «деревенщик».

— Читаете ли вы молодых?

— Я вообще очень много читаю. Читаю и молодых. Недавно открыл для себя Сергея Алексеева. Скоро должна выйти новая книга его прозы, и я жду ее с нетерпением. Мне много приходится читать пьес, сценариев, в частности, и тех, что принадлежат перу молодых. Внимательно слежу за тем, что делают Михаил Ворфоломеев, Нина Семенова.

— А поэзия?

— Интересует очень. Но называть кого-нибудь воздержусь.

— Почему?

— Нравятся многие, я кому-то отдавать предпочтение не хочу.

— И все-таки? (Хитроватая усмешка).

— Пушкин.

— Из серии банальных вопросов: кем бы вы стали, если бы не стали актером?

— Режиссером.

— Ваш идеал писателя?

— Шукшин.

— Ваш любимый актер? (Опять хитрая усмешка).

— Шукшин.

— Ваша любимая актриса?

— Это слишком серьезный вопрос...

— Я слышал, что вы собираете книги греческих римских авторов. Что вас привлекает в них?

— Свежесть взгляда.

— Георгий Иванович, обращаюсь к вам как к человеку, на жизнь которого в чем-то повлияла литература. То, что литература отчасти формирует и воспитывает читающего человека, несомненно. А вот способен ли литература перевоспитывать? Как по-вашему?

— Конечно. Литература формирует нацию.

— Находили ли вы в книгах ответ на мучившие вас вопросы?

— Находил. Но не сразу. Пришлось потрудиться.

— Ваши коллеги Людмила Гурченко и Валерий Золотухин сами занимались литературным творчеством, и довольно успешно. Вы не собираетесь последовать их примеру?

— Пишу. Но что из этого выйдет — не знаю.

— Вы намерены посвящать себя режиссуре?

— Да, это то, чем я собираюсь заняться в ближайшем будущем.

— В театре? В кино?

— И в театре, и в кино.

Беседу вел
Н. НИКОЛАЕВ.
Фото А. Петрова.

15 ЯНВ 1985

Собеседник: Георгий Бурков
ФОТОГРАФИЯ: А. ПЕТРОВА
г. Москва